

Реакция Линь Цзичу оказалась чуть медленнее, чем у остальных: сначала он нахмурился — ещё до того, как до него дошло, что кто-то зовёт Шэнь Цихань, — и лишь после этого обернулся к человеку, стоявшему за спиной Шэня.

Голос показался знакомым. Едва лицо незнакомки обрело чёткие черты, Линь Цзичу сразу же её узнал.

Актриса, окликнувшая Шэнь Цихань, звалась Чжан Яцю. В прошлом году они с Линь Цзичу снимались вместе в городской дораме; та вышла в эфир ближе к концу года и долго не сходила с вершин рейтингов, осыпав обоих исполнителей новыми поклонниками — в том числе немалым числом фанатов их экранного шипа.

На второстепенном аккаунте Линь Цзичу была одна крупная фанатка, которую он отслеживал, — та самозабвенно кипала их дорамный шип, и стоило Линь зайти в ленту, как ему неизменно попадались нарисованные ею арты и анимированные gif-ки с ними двоими.

Он и сам не отрицал, что мелочен: видеть Шэнь Цихань рядом с кем-то другим он не мог, даже если речь шла лишь о роли. Поэтому, как бы ни нравились ему тщательно отретушированные крупные портреты Шэня от этой фанатки, нескольких встреч с шипперскими картинками хватило, чтобы Линь Цзичу принял твёрдое решение — отписаться.

Чжан Яцю сам он никогда не фолловил, однако, судя по резонансу вокруг той драмы, актриса была вполне известной.

— Ну да, давно не виделись. — Увидев Чжан Яцю, Шэнь Цихань остался невозмутим: произнёс одну короткую фразу — вслед за её же словами — и больше ничего не добавил, отчего контраст с её горячностью получился весьма ощутимым.

— Что сейчас снимаете, Учитель Шэнь? Ах, вспомнила — «Сказание о Цяньфане», да? Большое фэнтези с главным героем — мужчиной, ну и ну, наш Учитель Шэнь всё круче и круче!

Холодок в поведении Шэнь Цихань несколько не остудил пыл Чжан Яцю. Она пылала, как и её сегодняшнее ярко-алое платье, — наряд, который привлёк бы взгляды в любое время и в любом месте.

В её словах Линь Цзичу зацепился за оборот «наш Учитель Шэнь». Почему-то именно это «наш» ощутилось как намёк на известную близость между ними.

Вдобавок новая драма Шэнь Цихань только-только началась, а Чжан Яцю уже была прекрасно осведомлена о деталях — значит, следила за его новостями.

Линь Цзичу немедленно перевёл взгляд обратно на Шэня и под видом полного безразличия принялся напряжённо отслеживать каждое его движение.

— Вы мне льстите, — произнёс Шэнь Цихань с едва наметившейся улыбкой и замолчал.

Чжан Яцю выдала целый монолог — в ответ ей досталось три слога. Любой зрячий без труда распознал бы в этом отборную вежливую отписку; тем не менее собеседница явно намеревалась продолжать.

Тут, к счастью, раздвинулись двери лифта — все, кто в нём ехал, выходили именно здесь. Первым среагировал Сяо Ди, стоявший с краю: шагнул вперёд, за ним потянулись остальные, и живой людской поток сам собой встал заслоном между Шэнь Цихань и Чжан Яцю.

Линь Цзичу не притормозил, ни на кого не стал ждать — просто пошёл к ресторану для ВИП-гостей, не меняя шага.

В пёстрой толчее Шэнь Цихань безошибочно выхватил его силуэт и тотчас нагнал — несколько стремительных шагов, и он уже шёл рядом: не спросил разрешения, просто оказался здесь.

Линь Цзичу, разумеется, заметил, кто оказался у него под боком. Но промолчал.

В ту же секунду оба подумали об одном и том же.

Буквально позавчера Шэнь Цихань говорил, что не станет заставлять его делать то, чего он не хочет, — например, идти вместе или завтракать за одним столом.

Он тогда намекнул — и Шэнь Цихань послушно принял это к сведению.

Но те слова, не прожив и двух дней, канули, словно их никогда не было. Со вчерашнего вечера Шэнь Цихань шёл рядом. Утром — снова. Теперь вот они вместе направлялись на завтрак.

Впрочем, молча согласился на всё это прежде всего сам Линь Цзичу, так что особо рефлексировать было не о чем.

Изначально он рассчитывал держаться непреклонно. Однако теперь стало окончательно ясно: по-настоящему быть твёрдым с Шэнь Цихань — это очень трудно.

Из-за нездоровья Линь Цзичу в это утро изменил своей привычной трапезе: налил себе лишь миску пресного рисового отвара.

За столиком на четверых они сели с Шэнь Цихань друг напротив друга. Шэнь то и дело бросал

взгляды через стол, и, увидев, что Линь — человек, крайне неохотно меняющий заведённый порядок — вдруг взял себе только кашу, без труда сложил картинку. Ещё не оправился. Неудивительно, что утром цвет лица у него был нехорош: даже сейчас щёки оставались чуть бледнее обычного.

Никто не проронил ни слова — первая половина присловья «за едой — молчи, в постели — тоже» соблюдалась неукоснительно.

Само собой, Линь Цзичу прекрасно чувствовал на себе чужие взгляды. Только виду не подавал — делал вид, что ничего не замечает, предоставив Шэнь Цихань в своё удовольствие его разглядывать.

На съёмочную площадку Линь Цзичу ехал в трейлере Шэнь Цихань.

Время было раннее, солнце ещё не жгло, и зонт от него был прихвачен, — но Шэнь Цихань помнил вчерашнее: ту ситуацию, от которой у него сжималось сердце. И поэтому он властно велел Линь Цзичу садиться. Почти приказал.

— Линь Цзичу, немедленно в машину. Коллега везёт тебя на площадку — что в этом такого? Один раз, больше не буду просить, не хочешь — не езд, я каждый день буду провожать тебя пешком, ладно?..

Этот напор — решительный тон, повышенный голос — вспыхнул и тут же угас, как цветок каланхоэ, раскрывшийся на несколько секунд. Голос стал всё тише, тише, пока не превратился в бормотание, едва различимое даже для самого Шэня. Что именно он там пробубнил себе под нос — попробуй пойми.

Линь Цзичу поначалу был настроен отказать. Но когда голос внезапно взлетел вверх, он невольно вздрогнул — и слова отказа растворились, не успев сорваться с языка. Следом за Шэнь Цихань он всё-таки сел в машину.

Сяо Ди к тому времени уже устроился на заднем сиденье и листал короткие видео, поджидая их. Однако всё его внимание было приковано к двум фигурам снаружи; что именно мелькало в телефоне, он не видел и не слышал.

За более чем год работы рядом с Хань-гэ Сяо Ди составил о нём определённое мнение: тот был именно таким, каким казался. Снаружи — сдержанность, внутри — холод.

Пусть к старшим коллегам он относился с уважением и первым шёл навстречу; пусть с ровесниками всегда держался приветливо — между ним и любым другим человеком неизменно сохранялась дистанция. Невидимая, но ощутимая — настолько, что никто из коллег, ни

мужчины ни женщины, не мог бы назвать себя по-настоящему близким к нему.

Даже с сотрудниками собственной студии он общался исключительно по делу, и те по большому счёту знали о нём лишь то, что лежало на поверхности.

Складывалось впечатление, что Шэнь Цихань попросту предпочитает быть сам по себе — и что пробиться к нему по-настоящему не дано никому.

По крайней мере, в частной жизни, за пределами публичного образа, Сяо Ди ни разу не видел его улыбающимся по-настоящему, искренне, всем лицом.

Поэтому то, что сейчас Хань-гэ по собственной инициативе позвал коллегу к себе в трейлер, было событием из ряда вон выходящим. За всё время, что Сяо Ди провёл рядом с ним, такого не случилось ни разу.

И ещё: первым на контакт всегда шёл именно Хань-гэ — шёл к Линь Цзичу. Трудно было не задаться вопросом. Сяо Ди был процентов на девяносто уверен: они знакомы раньше и отношения между ними не поверхностные.

Тогда почему, глядя на Хань-гэ, думаешь одно, а глядя на то, как Линь Цзичу держится с ним, — чуть ли не противоположное? Что-то было, а близости как будто и нет; скорее даже чувствовалась какая-то скованность.

Всё это не укладывалось у Сяо Ди в голове, и разбираться он не собирался. Правду знают лишь двое причастных — никому другому туда не заглянуть.

Сяо Ди вернул звук в наушниках и продолжил скроллить.

Первый раз в трейлере Шэнь Цихань — просторном и удобном, и всё же создававшем вокруг Линь Цзичу какое-то незримое давление.

Как и сказал Шэнь Цихань — только этот раз.

Всю дорогу Линь Цзичу смотрел в окно. Виды, которые он видел уже не единожды, он словно никак не мог насмотреться: тёмные красивые глаза отражали деревья и дома, мелькавшие мимо, — но на лице было абсолютное безразличие.

Не потому, что пейзаж его завораживал. Он попросту не смотрел на него — просто отвлёкся, ушёл куда-то в себя.

Он смотрел в окно. Шэнь Цихань смотрел в затылок ему — на эту копну мягких чёрных волос — и тихо, остро чувствовал, как хочет обнять это худощавое тело, потрепать по мягким прядям, как когда-то.

Тогда оба были студентами почти без денег — без машины, без жилья. Когда хотели куда-то выбраться вместе, один вёз другого на электроскутере.

Чаще за руль садился Линь Цзичу.

Не потому, что Шэнь не умел — просто не хотел. Ему нравилось сидеть сзади, крепко обхватив Линь Цзичу за тонкую талию, прижав грудь к его спине.

Со стороны это выглядело как забота о равновесии. Сам он про себя знал другое: это он держит своего Чу-Чу в объятиях.

В то время Линь Цзичу был его целым миром. А самым романтичным делом на свете казалось вот это: они двое на маленьком электроскутере, он позади, и всю дорогу поёт — поёт тому, кто у него в руках.

Пусть медведь на ухо наступил основательно, пусть ни одна нота не попадала в лад, — Линь Цзичу каждый раз хвалил его, говорил, что звучит красиво, и не уставал повторять это снова и снова.

Он хвалил его с таким искренним видом, так трогательно — хлопал этими круглыми тёмными глазами, — что Шэнь Цихань готов был сердце вырвать из груди и протянуть ему: смотри, видишь, как сильно люблю.

Он, конечно, знал, что поёт мимо нот. Поэтому в этом мире его пение предназначалось только одному человеку.

Теперь у него есть трейлер. Есть роскошный автомобиль. А Линь Цзичу не хочет садиться даже в трейлер — о машине и говорить нечего.

Как так получилось? Как они вообще умудрились развестись?..

Он не мог понять. Честно — не мог. В голове всё было как в тумане, как в вате, и сколько ни ворочай этот вопрос, ответа не находилось.

Если бы в жизни, как в кино, существовала шкатулка лунного света, способная перенести человека сквозь время, Шэнь Цихань попросился бы лишь в один день — за сутки до того, как подал на развод. Чтобы найти себя тогдашнего, хорошенько врезать ему и спросить в упор: ты что, совсем рехнулся? Какая муха тебя укусила, что ты сделал такую чёртову глупость?

Линь Цзичу понятия не имел, что творится за его спиной. Он и сам был где-то далеко — провалился в ту же память. И в одно мгновение оба, ни о чём не договариваясь, вспомнили одно и то же: маленький электроскутер, давно сданный в утиль, на котором когда-то ездили вдвоём.

<http://bllate.org/book/18328/1862554>